Глава 204: Ван По из Тяньлян

(прим.пер. название главы относится к человеку, но в то же время это идиома, которая часто используется в социальных медиа Китая. В целом она описывает кого-то настолько сильного, что, когда погода холодеет, и ему не нравится это, он может заставить Корпорацию Ван стать банкротом).

Сюнь Мэй посмотрел на Чэнь Чан Шэна и сказал, качая головой: «Только вот твоя истинная эссенция на самом деле слабая, но ты все еще был в состоянии занять первое место на Первом Баннере? Всё действительно становится хуже и хуже с каждым новым поколением».

Все знали, что уровень Великого Испытания в этом году был высок, а конкуренция была намного интенсивнее, чем в прошлые годы. Чэнь Чан Шэн не среагировал, но Танг Тридцать Шесть не мог согласиться, -

«Даже если бы Совет Божественного Постановления проанализировал это, Великое Испытание этого года было гораздо сложнее, чем в год сеньора».

Выражение Сюнь Мэя вдруг стало несколько одиноким, и он сказал: «Я не знаю, кто принимал участие в этом году, но в мой год... два человека не участвовали».

Танг Тридцать Шесть был немного удивлен и вспомнил два имени, которые однажды ставили рядом с именем Сюнь Мэя. Он не мог не признать, что сказанное Сюнь Мэем было разумным.

Если бы те два человека приняли участие в предыдущем Великом Испытании, даже если бы Цю Шань Цзюнь и Сюй Ю Жун приняли участие, Великое Испытание этого года нельзя было бы сравнить с предыдущим.

После этого разговора настроение Сюнь Мэя слегка встряхнулось, и он больше не обращал внимания на трех подростков. Он подошел к камню во дворе и сел, после чего начал смотреть пустым взглядом на Мавзолей Книг.

Чэнь Чан Шэн посмотрел на его спину и вздохнул от эмоций. Днем Танг Тридцать Шесть поделился с ним, что некоторые культиваторы оставались в Мавзолее Книг для просмотра монолитов на много лет. Кто бы мог подумать, что он мог так быстро лично встретиться с одним из них. В частности, этот человек оставался в мавзолее тридцать семь лет и не сделал ни одного шага наружу. Было очевидно, что у него были некоторые вещи, которые он хотел скрыть.

Думая об этом, Чэнь почувствовал, что тень мужчины стала довольно жалкой. У него не было сердца, чтобы вновь потревожить его, и он протянул руку, чтобы остановить Танга Тридцать от расспросов.

Выражение Танга Тридцать Шесть слегка изменилось и он спросил: «Что?»

Чэнь посмотрел на него и серьезно спросил: «Ты ел?»

Лишь сейчас Танг Тридцать Шесть вспомнил этот важный вопрос и почувствовал голод, который ударил его, как приливная волна. Он обнял свой живот и слабо сказал: «Нет».

Чэнь Чан Шэн привел его в хижину и подал остатки соленой рыбы. Затем он добавил горячий чай в миску оставшегося риса и сказал: «Бок-чоя больше нет, так что заменим этим, съешь немного».

«Это съедобно? Это можно есть? Что значит ‘заменим этим’? Бой-чоя больше нет, так что ты используешь чайные листы, чтобы подменить его? Что за вкус будет у этого?»

Танг Тридцать Шесть использовал палочки для еды, чтобы поднять чайный лист, который был промочен черным.

Чэнь Чан Шэн проигнорировал его и с помощью света от звезд нашел масляную лампу. Тщательно потирая ее, он зажег фитиль, и тусклый свет озарил внутренность хижины.

Сторона стола тоже была освещена. Танг Тридцать Шесть опустил голову в миску и ел без остановки. Уже много рыбных косточек появилось перед миской.

Видя это, Чэнь Чан Шэн задумался, чтобы подумали бы молодые дамы из академий столицы, которые были влюблены в Танга Тридцать Шесть, если бы увидели его манеры за столом?

Чжэ Сю, естественно, не стал наблюдать за процессом еды Танга Тридцать Шесть. Он посмотрел на Сюнь Мэя, который сидел снаружи на камне, и сказал: «Кто бы мог подумать, что слухи верны».

Чэнь Чан Шэн сказал: «Согласно тому, что сказал Танг Тридцать Шесть, должно быть больше подобных людей в мавзолее».

Танг Тридцать Шесть отвлекся от занятого процесса еды и поднял голову, чтобы сказать: «Но не так много известных людей, как Сюнь Мэй».

Чжэ Сю сказал: «Многие люди считают, что он уже умер... Просмотр монолитов в мавзолее около тридцати с лишним лет трудно представить».

Танг Тридцать Шесть вытащил платок из рукава и тщательно вытер рот под взглядом Чэнь Чан Шэна. Он сказал: «Он не желает расставаться с мавзолеем».

Чжэ Сю подумал о всех тех историях многих лет назад и сказал, качая головой: «Вместо этого, я чувствую, что он боится уйти».

Танг Тридцать Шесть уставился на него и сказал, качая головой: «Неуместно говорить так. В худшем случае он просто смущен, чтобы уйти».

Не желает, боится и смущен - все это были слова, которые неприятно слышать.

Чэнь Чан Шэн был несколько удивлен и подумал, что, поскольку этот мужчина по имени Сюнь Мэй получил первое место на Первом Баннере Великого Испытания тридцать семь лет назад, то он определенно не был нормальным человеком. Как он пал от благодати и получил такую оценку?

«Наиболее известная черта сеньора Сюнь Мэя в том, что его сила воли для культивации очень твердая и стойкая. Когда ему было семь лет, он стоял перед дверью Мистера Юньшань в снегу три дня и три ночи. Лишь после этого он был взят в качестве ученика».

Танг Тридцать Шесть сказал: «Вот откуда пошла фраза ‘Ступающий по снегу Сюнь Мэй’».

Чэнь спросил: «Мистер Юньшань?»

«Мистер Юньшань - учитель директора Мао Цю Юй».

Танг Тридцать Шесть посмотрел на Чэнь Чан Шэна и сказал: «Если ты прав, то Сюнь Мэй - младший товарищ директора Мао».

Мао Цю Юй был одним из немногих экспертов континента в этот день, поэтому можно было представить, на каком уровне был его самый младший товарищ. К тому же, его самый младший товарищ имело особый смысл в фразе ‘самый младший’ - самый младший товарищ был определенно учеником наследия, и лишь люди, которые имели невероятный талант, могли быть приняты, как ученик наследия, в секту или академию.

Например, легендарный Младший Боевой Дядя Горы Ли или текущий Ци Цзянь.

«Сюнь Мэй был самым выдающимся студентом Небесной Академии тех времен, и он занимал позицию в академии, которая была значительно выше, чем Чжуан Хуань Ю этого дня. Эй, кстати, не должны ли мы позвать сюда Чжуана Хуань Ю после входа в мавзолей? Сюнь Мэй - его величайший по старшинству в Небесной Академии. Давайте посмотрим, как он сделает низкий поклон Сюнь Мэю. Это будет невероятно хорошо. Кстати, говоря об этом, если бы мы не пошли в Ортодоксальную Академию, тогда мы бы тоже должны были сделать ему низкий поклон? Вот ведь опасная штука», - сказал Танг Тридцать Шесть с большой улыбкой, но потом он понял, что Чэнь Чан Шэн и Чжэ Сю не были заинтересованы в том, что он говорил. Глядя на них, он сказал с некоторым раздражением: «Лишь один человек в мире, как вы, может быть настолько скучным, что это вводит в депрессию. Почему вас должно быть два? И почему вы должны были встретиться? Это действительно заставляет людей быть в депрессии».

Чэнь Чан Шэн проигнорировал его и спросил Чжэ Сю: «Почему Сюнь Мэй боится покинуть мавзолей?»

Прежде чем Чжэ Сю успел сказать что-то, Танг Тридцать Шесть уже начал говорить: «Тогда можно считать, что ты спросил у правильного человека. Независимо от того, как на это смотреть, все таки я оставался в Небесной Академии полгода, поэтому я понимаю этот вопрос лучше, чем все вы. Тогда Сюнь Мэй был гордостью Небесной Академии. Его талант был очень удивительным, но, к сожалению, были люди, у которых был еще лучший талант, в той же возрастной группе, и они были еще более выдающимися».

Выражение Танга Тридцать Шесть вдруг стало серьезным и он сказал: «Наиболее прискорбным во всей жизни Сюнь Мэя было то, что он родился в том же году, что и Ван По из Тяньлян. С того времени, как Сюнь Мэю исполнилось двенадцать, он часто встречался с ним на различных собраниях академий и сект. Они сражались по меньшей мере сто раз, и каждый раз Сюнь Мэй всегда проигрывал. На Великом Собрании Чжуши в одном году Сюнь Мэй фактически проиграл три раза подряд.

Прожив один год в столице, Чэнь Чан Шэн все еще обладал довольно ограниченными знаниями о делах мира. Однако он знал это имя, так как оно было хорошо известным.

До Цю Шань Цзюня это было известное имя на всем континенте. Даже в настоящее время это имя занимало высокую позицию в Провозглашении Освобождения.

Ван По из Графства Тяньлян.

После этого он обнаружил, что когда Танг Тридцать Шесть упоминал это имя, его выражение было очень мрачным и бдительным. То, чего он не особо понимал, что, хотя Цю Шань Цзюнь уже был первым на Провозглашении Золотого Различия, он все еще был очень далек от таких людей, как Ван По, которые были на Провозглашении Освобождения и были известными уже долгое время. Независимо от того, как он смотрел на это, Танг Тридцать Шесть не мог иметь

каких-то проблем с Ван По.

«Как мог кто-то такой, как Сюнь Мэй, у которого был экстраординарный талант, несгибаемая воля и тяжелые надежды Небесной Академии, быть готовым провести всю свою жизнь в тени Ван По? Причина, почему он вошел в мавзолей для изучения монолитов на тридцать семь лет, была в том, чтобы познать истинный смысл небесного Дао, а затем победить Пан По в бою. Именно поэтому он по-прежнему не желал уходить.

Танг Тридцать Шесть взглянул наружу от хижины и сказал: «Думая об этом сейчас, Ван По из Тяньлян уже стал одним из препятствий в сердце Сюнь Мэя. За каждый день, когда он считал, что не сможет победить Ван По, был еще один день, когда он не хотел покидать мавзолей. Не желает, боится или смущен... Все это было правильно, потому что он очень хорошо понимал, что в тот день, когда он выйдет из мавзолея, Ван По, безусловно, будет ждать снаружи.

Чэнь Чан Шэн встал и подошел к двери. Под звездным светом он посмотрел на мужчину средних лет в тяжелом положении, и его чувства стали несколько сложнее.

Он не мог покинуть мавзолей, потому что у него не было мужества стоять лицом к миру или тому человеку, который был за пределами мавзолея? Сюнь Мэй так не думал. Однажды он был гордым подростком из Небесной Академии, так что было невозможно, чтобы ему не хватало мужества. По крайней мере ему не хватало мужества, когда он будет сталкиваться с врагом его жизни, Ваном По. В противном случае он не сражался бы в течение сотен боев ранее. Тогда, почему же он боялся покинуть мавзолей?

Иногда уход значил навсегда. Сунь Мэй боялся покидать мавзолей, потому что боялся потерять его. От честного юноши до разочарованного и удрученного, он никогда не покидал это место целые тридцать семь лет. Мавзолей сделал его сильнее, и чем больше это продолжалось, тем больше он боялся покинуть его.

Это было так же, как и когда Танг Тридцать Шесть сказал во время дня, что Мавзолей Книг был как кувшин хорошего вина для культиваторов. Чем больше они пили его, тем пьянее они становились, и чем пьянее они становились, тем больше они хотели пить. Сталкиваясь с таким хорошим кувшином вина, сколько было подобающе выпить? Надо ли было выпивать, пока человек становился настолько пьян, что более не хотел быть трезвым? Или надо было сделать небольшой глоток, прежде чем убрать его? Это было тяжелое испытание, с которым каждому предстояло столкнуться. Из-за тени Ван По этот выбор был еще труднее для Сюнь Мэя.

Только вот Сюнь Мэй обладал экстраординарным талантом, а также усердно тренировался в течение тридцати семи лет в мавзолее. Так что, на каком уровне была его текущая сила? Он уже был настолько сильным, но ему не хватало уверенности в победе своего противника, расположенного за пределами мавзолея. Так каков был уровень силы Ван По на самом деле?

Однако, это была проблема, которую предстоит решить в конце концов. Танг Тридцать Шесть сказал, что Ван По определенно будет ждать снаружи в тот день, когда Сюнь Мэй покинет мавзолей. Это не значило, что Ван По буквально ждал его за пределами мавзолея. Скорее, если он покинет мавзолей, ему определенно придется пойти и найти Ван По. Лишь тогда он сможет объяснить свою собственную жизнь, а также тридцать семь лет, которые он провел, просматривая монолиты.

Холодный ветерок дул из леса за мавзолеем. Он поднял клочки травы на земле и сдул зеленые, нежные листья с деревьев, что создало звук шороха, как будто шел дождь. Был лишь один холодный ветерок, но он возник из двух направлений. Эти клочки травы и мягкие листья были

отброшены в центр леса и вновь начали медленно крутиться вместе, как водопад верх вниз. Ветер прорезал звездное небо и спроецировался вниз в бесчисленные фрагменты.

Мао Цю Юй, Бриз Двух Рукавов, появился в том месте. Он посмотрел под дерево-пагоду и сказал со сложным выражением: «Двадцать лет назад я однажды пригласил тебя прибыть в столицу, чтобы убедить его, но ты не пришел».

Человек стоял под деревом. Он все еще казался очень молодым, но его глаза казались немного холодными. Его одежда была очень чистой, а его черные волосы были плотно связаны. Однако по некоторым причинам это давало людям жалкое чувство. Это было, как подросток, который когда-то был молодым хозяином, но из-за разворота в удаче, он стал кассиром в таверне на три года.

«Если он сам не хочет выходить, то никто не сможет убедить его», - сказал тот человек, наблюдая за Мавзолеем Книг в ночное время.

Мао Цю Юй спросил: «Тогда почему ты пришел сегодня?»

Тот человек сказал: «Не знаю. Я просто чувствую, что сегодня он будет меня искать, поэтому я пришел ждать его».

http://tl.rulate.ru/book/1222/55723